

ПИТЕР
ПОКЕТ

АЛЕКСАНДР
СОСНОВСКИЙ

“ГЕСС”
ТАЙНЫЙ
ПЛАН
ЧЕРЧИЛЛЯ

«Александр раскрывает такие впечатляющие подробности этой тщательно скрываемой страницы мировой истории, что вам будет очень тяжело оторваться от этой захватывающей книги».

Владимир Соловьев, журналист,
ведущий т/к «Россия 1», канала «Соловьев Live».

ПИТЕР ПОКЕТ

Александр Сосновский

«ГЕСС». Тайный план Черчилля

«Питер»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6

Сосновский А.

«ГЕСС». Тайный план Черчилля / А. Сосновский — «Питер»,
2022 — (ПИТЕР ПОКЕТ)

ISBN 978-5-00116-852-2

Документально-приключенческий детектив «“ГЕСС”. Тайный план Черчилля» написан на основе реальных фактов, которые Александр Сосновский собирал на протяжении многих лет. Автор был знаком и тесно общался со многими прототипами главных героев книги – с сыном Рудольфа Гесса, его личным санитаром Абдуллой и бывшим сотрудником ЦРУ, директором тюрьмы, где содержался Гесс.

УДК 821.161.1

ББК 84(2=Р)6

ISBN 978-5-00116-852-2

© Сосновский А., 2022

© Питер, 2022

Содержание

Отзывы о книге	6
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Сосновский

«ГЕСС». Тайный план Черчилля

Часть средств от продажи книги будет перечислена в библиотечные фонды территорий, пострадавших от военных действий.

© ООО Издательство «Питер», 2022

© Александр Сосновский, 2022

© Серия «ПИТЕР ПОКЕТ», 2022

ОТЗЫВЫ О КНИГЕ

В году 1993-м в городе Париже – тогда можно было еще туда ездить – я встретился с Николасом Комаровым. Это был уже очень взрослый человек, который рассказал мне удивительные истории, изменившие мое представление о времени и о его плотности. Он рассказывал, что его матушка, которая выросла в Париже, еще маленькой девочкой гуляя по Елисейским полям со своей матушкой, каждый день встречала одного и того же очень благовидного, можно даже сказать красивого, благородного человека. Этот уважаемый господин здоровался с семьей Николаса, а бабушка и мама никогда ему не отвечали. И когда мальчик спросил: «А почему мы никогда не отвечаем этому приятному месье?», ответ был таков: «Это Дантес».

Таким образом, совершенно неожиданно, в 1993-м году через несколько рукопожатий я оказался близок к Пушкину.

Я не знаю, хотел бы я так же, как мой друг, замечательный, глубокий профессионал Александр Сосновский, оказаться настолько близко к Гессу, к нацистским преступникам. Потому что все-таки Пушкин и Дантес – это история, трагическая для русской литературы, но Дантес не стал абсолютным мировым злом. А вот все окружение Гитлера, конечно, стало.

Александр находит невероятные повороты в истории Гесса, с которым он оказался знаком через одно рукопожатие – рукопожатие с его сыном. И раскрывает такие впечатляющие подробности этой тщательно скрываемой страницы мировой истории, что вам будет очень тяжело оторваться от этой захватывающей книги.

В. Р. Соловьев журналист, ведущий т/к «Россия 1», канала «Соловьев Live»

* * *

После окончания Второй мировой войны прошло больше 75 лет, но эта тема продолжает оставаться крайне актуальной. Несмотря на то что о войне написано огромное количество книг и исследований, еще остаются страницы ее истории, которые так и не получили окончательной оценки.

Различные архивы продолжают хранить документы под грифом особой секретности, и многие факты и события все еще не раскрыты.

Один из таких вопросов – возможное тайное соглашение Гитлера с Великобританией в 1941 году о прекращении налетов на Великобританию в обмен на отказ Черчилля от открытия второго фронта. В этом случае Англия могла бы сохранить колонии и влияние на Западную Европу, а Германия имела бы возможность за несколько месяцев уничтожить СССР и получить его территорию и ресурсы.

Эта история полна тайн. Ее основной участник Рудольф Гесс, рейсхминистр и партийный заместитель фюрера, совершил тайный полет в Англию, чтобы встретиться там с Черчиллем и по возможности договориться и устроить встречу британского премьера и рейхсканцлера.

Официально считается, что полет Гесса был неудачным: самолет сбит, никакой встречи не было и Гесс был отправлен в тюрьму. После Нюрнбергского процесса он находился в заключении в тюрьме Шпандау в Берлине. Неоднократные попытки добиться его освобождения грозили серьезными разоблачениями, поэтому сообщение о самоубийстве Гесса в 1987 году оставило много пока не решенных вопросов.

Свою версию этих событий предлагает известный журналист и публицист Александр Сосновский в книге «ГЕСС. Тайный план Черчилля».

Книга на основе многолетних изысканий и рассказов свидетелей событий 1987 года, с которыми Сосновский встречался в Германии в 1998 году, написана ярко и увлекательно.

Интригующая художественная форма повествования с большим мастерством совмещена с четким анализом политической ситуации как во время Второй мировой войны, так и в современной геополитике.

Восстановление документальной правды – одно из главных достоинств этой книги, и я считаю, что она, несомненно, будет интересна широкому кругу читателей.

*К. Г. Шахназаров, генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»,
кинорежиссер, народный артист России*

Глава 1

17 августа 1987 года. Берлин

Телетайп: «Сегодня в тюрьме Шпандау покончил жизнь самоубийством заместитель Гитлера, глава НСДАП Рудольф Гесс; 93-летний нацист повесился на шнуре от электролампы».

Абдулла быстро перебирал в руках желтые четки. У высокого забора, за которым виднелось красное кирпичное строение, был всего один вход, больше похожий на амбразуру гигантского дота. Через каждые пятьдесят метров в ограду была встроена вышка охраны, на которой стояли солдаты, вооруженные автоматами. По два охранника – по одному на каждую сторону. Они разместились на вышке спина к спине, внимательно осматривая территорию.

Массивное здание из красного кирпича, обнесенное высокой оградой с двумя рядами колючей проволоки на самом верху, после Нюрнбергского трибунала было перестроено под особые нужды. По решению трибунала оно стало местом заключения для осужденных нацистских преступников – Бальдура фон Шираха, адмирала Деница и других. Седьмым в списке заключенных был Рудольф Гесс – заместитель Гитлера по НСДАП, приговоренный к пожизненному заключению. Именно с ним долгие годы работал Абдулла, тунисец, уже много лет проживающий в послевоенной Германии.

Абдулла был личным санитаром Рудольфа Гесса и знал медицинскую карту своего пациента наизусть. Фактически он превратился в доверенное лицо престарелого нациста.

Абдулла простоял уже несколько минут, а дверь все не открывалась. Такое иногда бывало, когда охранники не спешили бросать свое чаепитие, не обращая внимания на посетителей у входа. Тогда приходилось ждать.

Абдулла несколько раз нажал на кнопку звонка, но никакой реакции не последовало. Он вдавил палец в звонок, уже не отпуская руки. Окошко приоткрылось.

– Что тебе? Иди домой, – процедил вахтер.

– Откройте мне! – Абдулла наклонил лицо к окошку и произнес жестко и раздельно: – Мне нужно к Гессу. Меня вызвали, ему плохо!

– Иди домой, – огрызнулся лениво солдат.

– Быстро открой! Ты не слышал? Меня вызвали к Гессу, ему нужна моя помощь.

– Да иди, иди уже, придурок! – почти весело проорал в ответ вахтер и все-таки открыл входную дверь.

Тяжелая, металлическая, окрашенная в зеленовато-серый цвет дверь со скрипом медленно отъехала в сторону.

Абу сунул в лицо охраннику свой пропуск с жирной красной полосой, на которой хорошо было видно слово ERLAUBT («Разрешено»), и побежал к садовому домику, где обычно сидел днем Гесс.

Гесса приводили сюда сразу после завтрака, около семи утра. Он заходил в домик, санитар или вахтер помогали ему снять серое пальто, которое он носил даже летом. Гесс садился на деревянный стул и начинал рассматривать карту лунного неба, которая была пришпилена на стене напротив стола. В это время он замыкался, не отвечал на вопросы, и охрана, зная это, просто оставляла его одного. Охранники выходили на крыльцо и, если погода позволяла, часами курили там, изредка заглядывая в домик: все ли в порядке у Гесса?

Так проходили годы, и санитар Абдулла давно вжился в этот порядок, находя в нем особую прелесть – спокойное, даже приятное времяпрепровождение. Иногда Гесс рассказывал ему что-то, и Абдулле это было очень интересно. Гесс разговаривал четко, законченными фразами, и не верилось, что ему уже за девяносто лет.

Абдулла распахнул дверь и увидел охранника, склонившегося над телом Гесса. Гесс был одет в длинную шинель, руки раскинуты в стороны, лицо закрыто какой-то тряпкой. Видно было, как охранник делает ему искусственное дыхание. Рубашка у солдата распахнулась, лицо заливал пот. Абдулла толкнул его рукой:

– Уходи, пусти меня!

Охранник вскрикнул, в его голосе прозвучали истерические нотки:

– Свинья мертва!

Санитар оттолкнул его от тела Гесса.

– Звони директору, срочно! – зашипел он в лицо охраннику.

Солдат выбежал, а Абдулла начал умело делать Гессу непрямой массаж сердца. Никаких признаков жизни заключенный не подавал. Абу приложил обе руки к шее Гесса, прощупывая пульс.

– Все. Бесполезно. Он свое отсидел – Гесс мертв, – произнес он через несколько минут ровным голосом и присел на табуретку. Повернул голову в сторону тела. На лице Абдуллы не было видно признаков жалости, только заострившиеся скулы выдавали напряжение. Он достал из санитарной сумки небольшой блокнот, карандаш и присел к столу. Начал что-то чертить в блокноте, затем остановился и снова посмотрел в сторону тела Гесса. Губы Абдуллы зашевелились, он что-то очень тихо произнес. Можно было разобрать гортанную арабскую речь и последние слова поминальной молитвы, сказанные им отчетливо и громко: «Уа-нах-ну биль-ассар».

Затем он аккуратно сложил блокнот и спрятал его в нагрудный карман.

Глава 2

Ноябрь 1991 года. Генконсульство СССР в Берлине

В консульстве, монументальный комплекс зданий которого одной стороной выходит на Унтер-ден-Линден, почти упираясь в Бранденбургские ворота, давали прием по случаю празднования Седьмого ноября.

Роман подошел к проходной, достал паспорт и распечатанное приглашение на прием, подал все одной рукой человеку, стоящему у входа. Проверка длилась несколько секунд. Роман зашел в здание консульства и поднялся по лестнице в актовъй зал, где уже были накрыты столы с напитками и едой. Взял рюмку с водкой, не спеша рассматривая гостей и красивое помещение.

Почти сразу к нему подошел немолодой седой мужчина и, подняв свой бокал, молча пригласил выпить. Роман охотно повернулся к нему, поднял в ответ свою рюмку с водкой и сказал по-немецки с сильным русским акцентом, выделяя звук «р»:

– Будем здор-ровы!

Мужчина в ответ негромко засмеялся, сделал несколько глотков из бокала.

– Хелло, меня зовут Берд, Юджин Берд.

– Судя по вашему имени, вы не немец, я прав?

– Да, конечно, я американец. Столько лет в Германии, а мой акцент остается... Но и у вас акцент, вы тоже не немец? Говорите по-русски? Я слышал, как вы разговаривали, поэтому подумал: кто вы? Посольский? Или гость?

Роман с интересом выслушал скороговорку, кивнул и сделал глоток из своей рюмки.

– Что же заставляет американца жить не в стране бесконечных возможностей, а в сухой, педантичной, неяркой Германии?

– О, это длинная история. Я живу здесь уже лет тридцать. Моя жена немка, а у меня неплохой домик тут, в Берлине. А вот вы? Работаете врачом? У вас столько знакомых.

Роман громко и заразительно засмеялся.

– Почти угадали, но я лечу души. Я журналист. Не могу пожаловаться, но иногда это скучновато. Интересных историй на всех не хватает.

Берд оживился, допил свой бокал с вином и приблизил лицо к Роману.

– Вам повезло, молодой человек. Вы выпили водки с тем, кто может вам такую историю рассказать! Я тот самый...

Берд легко коснулся рукава Романа и потянул его за собой в дальний конец зала, туда, где было не так много людей. Они остановились у столика, от которого как раз отошли несколько человек. Роман с интересом глянул на своего нового собеседника. Берд улыбнулся.

– Я знаю, что вы сейчас думаете. Думаете, расскажу любовную историю престарелого американца, которую продам вам как суперстори?

Роман неловко попытался ответить, но Берд коснулся его плеча рукой с массивным перстнем на мизинце и, не давая Роману говорить, продолжил сам:

– Что вы знаете о Рудольфе Гессе? Наверняка что-то слышали, но, уверен, никаких подробностей не знаете. Да и откуда вам их знать, если эти подробности известны очень немногим.

– Тот самый, который летал к Черчиллю? Говорят, это Гитлер его заставил?

– Да-да, он.

– Так ведь полет закончился ничем, Гесса арестовали?

– И осудили в Нюрнберге... – Роман оживленно оглянулся. – Он сидел в тюрьме до самой своей смерти? Старый нацист. Знаю, я читал как-то его историю. Умер – и слава богу, одним негодяем меньше.

Берд отреагировал моментально:

– Рудольф Гесс сидел в Шпандау. Это тюрьма в Берлине. Однажды охранники нашли его повешенным. История произвела много шума, – Берд помолчал несколько секунд, его старые пальцы неуклюже скомкали салфетку, которую он взял со стола. – Я был директором этой тюрьмы. Он был мне другом. – Берд еще ближе наклонился к Роману. – И я знаю, как он умер, это было не самоубийство – Гесса убили.

Роман не перебивал, но на его лице проскользнула скептическая, даже несколько брезгливая гримаса.

– Отличная история. Но для желтой прессы. Не хочу обидеть, но обычно все такие истории придуманы, – Роман сделал глоток из стакана с водой, стоявшего на столе.

Берд молчал. На слова и мимику Романа не реагировал. Салфетка в его руках превратилась в скатанный белый шарик. Молниеносным движением, удивительным для его неуклюжих пальцев, бросил бумажный шарик в пустой бокал на другом конце стола. Удовлетворенно кивнул, убедившись, что попадание было точным.

– Я был директором. Вы это понимаете? Все, кто там работал, имели отношение к разведке... Я работал в разведке, но был директором тюрьмы... Колонель... Полковник ЦРУ.

Роман оживился, и Берд продолжил:

– Я имею привычку наводить справки. И хотя я на пенсии, но кое-что могу. И про вас, уж извините, тоже навел справки. Вы опытный журналист, у вас связи, вы русский. Это важно.

– Важно, что я русский?

– Я пришел сюда, чтобы увидеть вас. Достаточно?

– Но я не русский в прямом значении. Во-вторых, извините, вообще не понимаю. О чем вы? Вербовать будете? – Роман вновь засмеялся.

Берд, не ответив на выпад Романа, полез во внутренний карман пиджака и достал визитную карточку.

– Здесь мой адрес и номер телефона. Я стар, по вечерам никуда не хожу, сижу дома. Если решите провести меня, можете это сделать в любой день недели. Лучше, если это будет вечер. Тогда вы убедитесь, что я не рассказываю сказки, и, возможно, найдете для себя тему на ближайшие лет двадцать.

Берд слегка поклонился, повернулся и пошел к выходу. Роман крутил в руках визитную карточку, на ней было всего несколько слов – Юджин Берд и номер телефона. В самом низу – дописанные старческим почерком улица и номер дома.

Глава 3

25 апреля 1941 года. Гитлер разрешает операцию «ГЕСС»

Личный кабинет Гитлера – это небольших размеров комната, рядом с официальным залом, где Гитлер занимался обычной работой – вел совещания, смотрел бумаги. В личном кабинете не было явных атрибутов власти, кроме флага со свастикой, растянутого почти под самым потолком. Плотные зашторенные окна, серо-зеленые обои на стенах. Письменный стол из темного дерева и два деревянных кресла перед ним. На стене – большая карта мира, на которой флажками отмечены какие-то, только Гитлеру понятные, географические пункты. Сбоку, между столом и окном, маленький секретер, на котором расположился телефон. По нему можно было связаться только с личным секретарем Гитлера, Шмидтом. На полу, свернувшись, лежала овчарка Блонди и изредка смотрела прямым взглядом на своего хозяина. Впрочем, сам Гитлер внимания на своего пса не обращал.

В дальнем углу молчали напольные часы в черном инкрустированном дереве. На верхних углах часового шкафа искусно вырезаны орлы, держащие в когтях некое подобие земного шара. Но маятник не двигался, часы стояли – Гитлер не выносил их боя. Это вызывало у него вспышку ярости, которая заканчивалась истеричным требованием остановить маятник. Секретарь всегда останавливал маятник перед приходом фюрера и запускал его, когда Гитлер покидал кабинет.

Гитлер был сегодня одет в зеленый френч с застегнутым воротником. Он сидел за столом, спрятав руки в широкие рукава кителя, и смотрел на карту.

Раздался сигнал громкой связи, Гитлер подвинул кресло-стул к пульта, включил приемник.

– Это Гесс. Мне нужно к тебе. Только мы... Это очень важно.

Гитлер молча слушал, слегка кивая головой.

– Ты всегда можешь ко мне. Опять план?

– Да. Опять. От моих людей в Англии.

Гитлер взял в левую руку карандаш с красным ободком на конце.

– Надоело мне это. Молотов подписал, а Сталин воевать не будет.

– Мой фюрер, у меня другие...

– Молчи, – перебил Гесса Гитлер, – только второй фронт. Только второй фронт! Слышишь? Меня волнует второй фронт!

Гитлер отключил Гесса от связи, встал и медленно пошел по кабинету, ненадолго остановился у карты и опять заходил по комнате, вернулся к столу и сел. Спрятал руки в рукава, откинулся на спинку и полускрыл глаза. Через мгновение он наклонился к столу и нажал кнопку громкой связи.

– Эль Бабира, – бросил он коротко.

– Яволь, майн фюрер! – послышался четкий ответ секретаря, и через несколько мгновений Гитлера соединили с Эль Бабирой.

Эль Бабира – один из немногих советников в окружении Гитлера. Он египтянин. Астролог и ясновидящий, которого Гесс много лет тому назад представил Гитлеру. Фюрер слушал его предсказания, спрашивал совета.

Гитлер, вяло:

– Ты можешь что-то сказать на сегодня?

Эль Бабира:

– Мой фюрер, ты на подъеме, не бойся брата твоего.

– Брата? Какого брата?

– Не каждый брат тот, кто в твоём доме, – послышался вкрадчивый голос египтянина.

В комнату зашел Шмидт, адъютант. Блонди подняла голову, встала и медленно пошла в его сторону.

Шмидт:

– Рейхсминистр Гесс.

Гитлер, не отвечая Эль Бабире, нажал на кнопку, прерывая разговор.

Гесс зашел, сутулясь и пытаясь при этом сохранить военную выправку. Задрал вверх подбородок.

Гитлер, не поднимаясь с кресла:

– Мы выпьем чай.

Гесс, не доходя до стола:

– Адольф, я думаю, что другого выхода у нас нет. Война на два фронта может погубить рейх. Надо договориться с Лондоном. Я лечу туда, меня ждут.

Гитлер, не меняя выражения лица, взял в руки тот самый, с красным ободком, карандаш, скрывая дрожание пальцев.

Гесс:

– Русские никогда не нарушат первыми наш пакт, но Англия в тылу? Чересчур большая опасность. Я уверен, что Черчилль согласится с нашим планом. Тогда второго фронта не будет.

Гитлер, слегка раздраженно:

– Это я уже слышал. Пока это все разговоры. Моим расчетам надо верить, моим, а не твоей информацией.

Он положил карандаш на место, встал из-за стола и медленно прошел в другой конец кабинета.

Кабинет Гитлера был совсем не такой большой, как можно было ожидать. В этом кабинете фюрер принимал самых близких, в том числе Гесса и Гиммлера. Для разговоров один на один Гитлер выбирал всегда «кабинет мысли», как он называл эту комнату.

– Все последние дни мне просто ничего другого не говорят. Такое впечатление, что вы все пользуетесь одним и тем же источником.

Гесс:

– Я не знаю, что ты получил, но за свою информацию я ручаюсь.

Гесс был одним из немногих, кто мог обращаться к Гитлеру на «ты».

Гитлер:

– У меня был Риббентроп. Он сказал, что пытается установить через своих людей в Египте контакты с английским руководством.

Гитлер повысил тон:

– Особых надежд на Риббентропа я не питаю. То же самое говорил мне Гиммлер. Он что, любит Черчилля, скажи-ка мне, Гесс?

Гитлер не верил никому. Но Гессу он верил – они были друзьями со времен путча в Мюнхене.

– Ладно. Сумасшедшая затея, но попробуй. Только ни слова Гиммлеру. Мне надо точно знать, с кем и о чем ты будешь говорить. Но спеши, спеши – времени нет. Мы должны получить согласие Черчилля не воевать против нас. А мы перестанем их бомбить. Хороший план! Хороший. А ты молодец, Руди! Как думаешь, они готовы на такое?

Гесс кивнул.

– Меня уже ждет Гамильтон. Сейчас доработаем план, и я лечу в Англию. Черчилль согласится. Некуда ему деваться. И главное, он жаден. Пойдет с нами – получит жирный кусок. Не пойдет – превратим Лондон в пепелище.

Гитлер медленно шел к креслу, уже не обращая внимания на Гесса. Гесс молча вскинул руку и вышел.

Через небольшую щель между тяжелой шторой и окном пробился лучик, упал на массивный дубовый глобус. Гитлер заметил это и начал рассматривать место, которое освещал луч. Затем сильно дернул штору, и лучик света исчез.

Глава 4

Берлин. Ноты Вагнера

Гесс ехал в своем черном, блестящем лаком «Хорьхе» по улицам Берлина.

Он только что вышел от фюрера, недоверчивые слова Гитлера глубоко уязвили его. Гесс вдруг вспомнил, как в 1923-м, однажды утром, в тюрьме, где они сидели после путча, он чуть было не разругался с будущим вождем рейха. Гесс поднял воротник толстой шинели, откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза...

...Ландсберг. Тюрьма, в которой Гитлер, Гесс и несколько их друзей отбывали наказание за путч в Мюнхене. Начальство относилось к ним благосклонно, они могли впятером находиться в одной большой комнате, которая мало напоминала тюремную камеру. Это было помещение семь на восемь метров, с двумя большими окнами в массивных рамах, но даже без решеток, обычных в тюрьмах того времени. Он был молод, ему не исполнилось и тридцати, он был полон сил и надежд и с обожанием смотрел на своего старшего камада – Гитлера. Будущий фюрер был ненамного старше, за спиной обоих – война и неудавшийся путч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.